

Глава 23 Хруст крыльев под ногами

В глубине вечернего парка меж шелестящих листвой деревьев стремительно металась смазанная тёмная тень. Беззвучные, не порождающие дуновений воздуха движения создавали впечатление нематериальности тёмного нечто. Среди деревьев расходилось слабое убийственное намерение. Присутствуй здесь случайный свидетель — и, вероятно, по улочкам района ещё долго ходили бы слухи о загадочном призраке или мстительном злом духе, поселившемся в старом парке.

На деле всё было куда прозаичнее: просто одна имперская убийца решила совместить полезное с полезным и выпустить пар в тренировке. Жадные медики, продлившие цикл обследований и последовавшие за этим раздражающие процедуры, будили внутри глухое недовольство, а совместный со Счетоводом визит за Алым Эликсиром превратил это чувство в еле сдерживаемую злобу.

Моя замотанная в балахон низкорослая фигура в маске, конечно, не участвовала в разговоре, за исключением лёгкого духовного давления для придания тонуса мелкому, но жирному посреднику и его охране. Но миньон был заранее проинструктирован о нужных вопросах и не забыл их задать. Ответы болтливого слизняка одновременно злили и заставляли радоваться своему любопытству, из-за которого я не поленился заменить собой Кенту. Нравоучения от лысого миньона — совсем не то, что мне бы хотелось выслушивать.

К некоторому сожалению, многочисленная охрана, буквально забившая телами небольшой ресторанчик, так и не получила приказ напасть на клиентов. В итоге тысяча золотых перекочевала в маленькие толстые ладошки, а нам досталась красивая резная шкатулка с двумя десятками хрустальных фиалов внутри.

Жаль. Было бы приятно отрезать голову уродцу-посреднику, а потом заглянуть и к тем, кто стоял за его спиной.

Скорее всего, нити сходились в руках первых лиц города, а потом тянулись во Дворец, так что проявлять неспровоцированную агрессию — контрпродуктивно. Зачем мне лишняя суета? Но руки всё равно чешутся. Почти невыносимо. Ур-р-роды... мразота человеческая!

В общем, вернувшись в гостиницу в не самом благодушном состоянии и оставив покупку в

номере, начинающая владычица мёртвых сразу после ужина удрала на тренировку, не задержавшись для вечерних посиделок.

В близлежащем сквере я уже успел «намусорить», поэтому пришлось топать в парк, расположившийся в противоположной стороне от гостиницы. Но это и неплохо: за время пути еда успела улежаться в желудке, а прогулка после трапезы немного улучшила настроение. По крайней мере, желание кого-нибудь убить приутихло. Да и подходящих целей не попалось. Вопреки подспудным желаниям вместо грабителей, агрессивных бандитов или, на худой конец, какого-нибудь жалкого маньяка по дороге всё больше встречались влюблённые парочки, гуляющие семейства или просто весёлые компании. словно под ногами и в самом деле лежал приветливый курортный городок, а не очередное порождение деградации государства, таящее за милым фасадом из мрамора и зелени гнилое нутро, провонявшее кровью, дерьмом и семенем.

— У-у, попрятались, гады! — буркнул я, когда последняя надежда в лице бросающего косые взгляды звероватого мужика оказалась ответственным дворником. Дядька подумал, что блуждающая взглядом по округе девочка — заблудилась. И возжелал помочь с поиском верной дороги. Бескорыстно.

— Невезуха, — проводив взглядом дворника, расстроено опускаю плечи и делаю шаг к входной арке парка.

«С солдатами и собаками вход воспрещён!» — гласила табличка в проходе, а снизу, для неграмотных, шло перечёркнутое схематичное изображение «персон нон грата».

Уважали у нас в Империи брата-солдата.

Хотя нельзя сказать, что незаслуженно. Деревенские, которые и составляли основную массу нижних чинов, никогда не отличались утончёнными манерами и аристократическим воспитанием, не видя ничего зазорного в том, чтобы удовлетворить «зов естества» под первым приглянувшимся деревцем. Стоило ли говорить, какую реакцию вызовет «пахучая мина» у какой-нибудь рафинированной дворянки, решившей вдохновиться видами природы? Вот и не пускали солдатиков в «господские места». Тем более сей контингент, кроме «внутренней простоты», отличала склонность к воровству, пьянству и дебошу. А что тут странного? Кого, как не буянов и пьяниц, негодных к честному труду землепашца, старосты сельских общин сдают в призыв? То-то.

Поэтому притеснения солдат были частично оправданы. Хотя, как по мне, в армии могли бы и озаботиться введением в курс молодого бойца уроков поведения в обществе — не перетрудились бы господа офицеры.

Не сумев и в парке обнаружить никого подходящего на роль жертвы для Яцу, пришлось идти рубить воображаемых противников на тренировке.

И вот по истечении пары часов я проводил что-то вроде заминки*. Несмотря на лёгкое ускорение, для субъективного восприятия всё происходило словно в медленной съёмке, так, чтобы удалось прочувствовать каждое движение, подсмотренное и перенятое у предшественника. Отслеживалась и правильность техники работы ног. Умение правильно перемещаться ничуть не уступало по важности способности ловко рубить и протыкать врагов. Впрочем, у хорошего бойца все навыки взаимосвязаны, даже дышать следовало правильно.

/* — то же самое, что и разминка, но выполняется после тренировок, чтобы организм мягко вернулся в спокойный режим./

Разум кропотливо сравнивал действия с отложившимся в памяти эталоном и отмечал огрехи, над которыми нужно поработать в будущем.

К слову, навык ускорения, благодаря возросшей восприимчивости к энергиям, тоже потихоньку совершенствовался. Сие не могло не радовать. Хорошая тренировка поднимала настроение, а ощутимый прогресс возводил это в степень. Разве что аппетит после таких занятий пробуждался совсем уж зверский, даже недавний ужин не спасал. Но тут ничего не попишешь: питаться мировыми энергиями, как, по слухам, умели высокочеловеческие чудовища, принадлежащая к людскому роду убийца не могла. Да и не захотела бы, даже имея возможность. Отказываться от вкусняшек? Вот ещё!

К тому же повышенная прожорливость означала и немного повышенную скорость восстановления.

— Уф! — Закончив тренировку, с довольным вздохом и добираюсь до прислонённой к дереву сумки, где меня ждал мешочек с печеньем. Приземлившись на травку и положив рядом с собой ножны с Яцу, начал с наслаждением набивать брюхо, запивая печеньки соком из

фляжки.

Красота!

«И чего, спрашивается, было нервничать? Подумаешь, затягали по кабинетам. Подумаешь, процедуры слишком напомнили визит в «любимое» мед-крыло Базы. Подумаешь, такое «прекрасное и универсальное» лекарство, как Алы Эликсир, оказалось с подвохом. Хм, вернее, не с подвохом, а...» — брезгливо поморщившись, оборвал мысль, чтобы не накручивать себя снова.

На самом деле причины для негативных чувств были не так и велики, просто они взаимоусилились, наложившись на непонятно откуда появившуюся тревожность. Причём неясно: то ли это проявление интуиции, то ли побочный эффект от начавшихся вчера процедур. Означенная тревожность и послужила катализатором плохого настроения.

Новости от врачей тоже не слишком порадовали. Нет, лично со мной всё обстояло даже чуть лучше, чем прогнозировали изначально, но вот с потенциальным исцелением ребят могли возникнуть проблемы. Досадно, хоть и ожидаемо.

Притупив голод, вернул опустевший мешочек в наплечную сумку и решил вернуться к более позитивным мыслям. Для тяжёлых раздумий у меня есть кресло в номере. В конце концов, после тёплой ванны и более плотного перекуса любая пакость станет выглядеть не так плохо. На крайний случай можно опробовать успокаивающее действие вязания. Не зря же Счетовод купил мне самоучитель и вязальные принадлежности? Алкоголь, убийства и азартные игры (особенно последние), это — нездоровые релаксанты. Только полезные способы борьбы с плохим настроением приведут нас к величию!

Ну или, по крайней мере, не приведут к проблемам. Да.

Что касалось хороших новостей, то я несколько пересмотрел ценность полученного в наследство боевого стиля. Да, мне достались половинчатые знания, и для восстановления боевого искусства в относительно целостном виде придётся приложить немало сил и времени, но кое-какие нюансы удалось почерпнуть и за эти пару дней.

Ничего кардинального, всего лишь мелкие детали. Здесь ударить чуть быстрее, там более удобное движение для контратаки или защита, позволяющая сэкономить лишнюю капельку силы. Мелочь. Какой-нибудь дилетант и вовсе мог не понять — в чём разница. Но именно в этих тонкостях и прятался Дьявол, ну или Тёмный, если на местный манер. На пару градусов смещённая стопа там, чуть прижатый или выставленный локоть здесь, небольшой поворот... и вот торжествующий взгляд противника, предчувствующего победный удар, сменяется недоумением, а сам он, захлёбываясь кровью, провожает взглядом отсечённую руку с оружием.

Сущие мелочи — но именно они отличали победителя от мертвеца.

Вообще с каждым отработанным шагом, движением тела и взмахом клинка до меня доходило понимание, насколько мастерство генерала мятежного принца превосходило доступное мне. Каждая деталь была идеально выверена, обманный финт мог обернуться настоящим ударом или перейти в защиту, а защита — превратиться в неожиданную и смертоносную атаку.

Вылизанная до блеска и крайне вариативная система.

Безусловно, при разнице в ранге даже в половину ступени уровень личного мастерства переставал быть решающим. Кратный разрыв в силе и скорости очень сложно компенсировать мастерством. Но когда ты и твои соперники и так уже стояли на вершине или рядом с ней — именно эффективность стиля, опыт и врождённое чувство битвы становились факторами, определяющими победу. Не стоило недооценивать умение убивать с помощью оружия или без него.

* * *

Я вернулся в номер уже в относительно спокойном состоянии, а после горячей ванны и второго ужина настрой стало можно назвать даже благодушным. Усевшись в кресло, на пробу связал небольшую уродливую личинку (задумка "немного" разошлась с реальностью). Мысленно понасмешничав над своими созидательными талантами, принялся за создание очередного уродств... ээ, то есть шедевра современного авангардного искусства, да. Руки уже привыкли к спицам, поэтому я мог немного подумать, не отвлекаясь на контроль каждого движения.

Раз петелька — два петелька.

В принципе, не стоило так злиться. Не с моей профессией и замашками ожидать лёгкого пути с приятными и не напрягающими приключениями. Да и к врачам не зря пошёл: всплыви сюрприз с откатом без предупреждения, получилось бы... неприятно.

Раз петелька — два петелька.

Теперь понятно, почему приходилось пить стимулятор каждый день. Как и причина, по которой сие относительно недорогое и действенное средство не пользовалось популярностью. Как сказал весёлый доктор — «последствия-с, милочка!»

Так-то многие согласились бы заплатить здоровьем и годами будущего за силу, которая позволит до него дожить. Только вот замедление роста способностей после заметного, но не такого уж и мощного скачка и немалый откат после прекращения приёма клятой наркоты перечёркивали все плюсы.

Хочешь быстро усилиться? Пожалуйста! Но после определённого предела ты будешь еле ползти. Хочешь вырасти ещё? Пей более ядрёную дрянь.

Собственно, если бы не влияние тейгу и усиленная наркота, то черта с два у меня бы получилось выйти на ранг Мастера и более-менее приблизиться к уровню Акаме.

Ожидаемо — но, что ни говори, неприятно убеждаться в мрачных предположениях. То-то даже в кланах убийц не хотели связываться с этой гадостью. Примешь несколько доз, и всё: либо сиди на стимуляторе всю оставшуюся (не слишком долгую) жизнь, либо получай шикарный откат, заметно превышающий усиление.

Прелесть просто, а не средство!

Раз петелька — два петелька.

«Съехать на несколько позиций в рейтинге силы Отряда? Да ты оптимистка, девочка! Скатиться к смазке для клинка, став Адептом, не хотите ли?» — Хотя это я, конечно, утрировал. С начального уровня Мастера, в худшем случае, откинет на начальную же ступень ранга Воина. Минус полная ступень.

Плохо? Да, но если не лезть вперёд, отправляя сражаться марионеток — приемлемо. А лучше вообще устранить всех из тени, а не в привычной и любимой тактике Отряда «просто придём и всех убьём». К тому же силы должны восстановиться. Со временем. Скорее всего.

М-да...

На самом деле лично для меня всё ещё более-менее терпимо. Чем сильнее Воин Духа, тем выше его жизнестойкость и способность к восстановлению, так что можно не слишком бояться необратимых последствий. Откат, как мне стало известно благодаря духовному восприятию, обуславливался не потерей способностей как таковой, а снижением пропускной способности организма из-за падения количества и, хм, плотности праны. А за качество и количество жизненной силы отвечал недавно обнаруженный мной энергоцентр, который, как я надеялся, можно вылечить. Вовремя я натолкнулся на эту область.

Собственно, Алый Эликсир, который, как выяснилось, представлял собой растворённую в консервирующем зелье, специально обработанную легкоусвояемую прану и, по словам врача, значительно ускорял реабилитацию, влиял именно на жизненную силу организма.

Раз петелька — два петелька.

«Эликсир ещё этот...» — на лицо, уже который раз за вечер, напозла гримаса брезгливости. Я, разумеется, размышлял, как бы научиться вампирить чужую жизнь и даже провёл несколько практических экспериментов. Но жрать младенцев... как-то это не очень. Мерзковатая штука. Не удивительно, что алхимиков не любили в народе.

Разумеется, многие бы сказали, что принимать «препарат на основе» это не то же самое, что употреблять непосредственно детёнышей и, быть может, припомнили популярные на Земле стволовые клетки, которые так-то тоже получали из человеческих зародышей. Но я-Виктор и в прошлой жизни кривил губы на такие «лекарства». А в этой придётся сие пить. Выхода нет!

Причём, в отличие от abortного материала для стволовых клеток, на Алы Эликсир шли живые и здоровые младенцы. Как с мерзкой улыбочкой делился посредник, только от «не запятнанных» долгой жизнью в этом грешном мире младенцев можно получить чистую эссенцию жизни. Некондиционный товар из детей постарше, или, боги упаси, взрослых мог стать причиной множества неприятных побочных эффектов или даже смерти.

На самом деле меня, как имперскую убийцу, не слишком трогал вид двух десятков детских жизней в резной шкатулке. Связываться с настолько чёрной алхимией не хотелось, да и некоторая безгливость присутствовала — но если лекарство действенное, то можно и потерпеть. В конце концов, на моём личном счету значительно больше жизней, в том числе и детских. Однако субличность Виктора пребывала, мягко говоря, не в восторге от состава зелья и необходимости его принимать. Причём настолько «не», что это будило внутренний диссонанс.

Неприятное чувство.

Правда, воображаемый бубнёж притих, стоило поразмыслить, как я-Виктор поступил бы, предложи кто-то подобный состав той недожаренной отбивной, в виде которой пришлось доживать прошлую жизнь. Отверг бы с негодованием? Или ради избавления от боли и немощи наплевал бы на загубленные жизни?

Моя иномировая часть затруднилась дать однозначный ответ и, наконец, заткнулась.

Тоже мне, изнеженное дитя благодного века! Нынешних сограждан такие вопросы не слишком смущали. Благородные и богачи вообще не считали чернь за полноценных людей. Ну, а если они не считались людьми, то и гуманизм на них не распространялся. Ах, это милое имперское лицемерие!

К слову, после выслушивания речей посредника тёмных алхимиков, который, попивая вино, подвёл под свою профессию оправдательную философию, стал понятен смысл чернушной шутки доктора Стара. Алы Эликсир не мог дать бессмертия или даже серьёзного продления отмеренных лет, но приводил организм к оптимуму и позволял вести активный образ жизни практически до самого конца.

Разве возможность купить здоровье и, в некотором роде, молодость — не мечта любого богача?

Беднякам тоже «хорошо»: всегда можно с выгодой избавиться от ребёнка, которого не можешь прокормить, и вместо того, чтобы плодить орды мелких воришек, подарить «лучшим людям Империи» дополнительные годы активных хлопот на благо страны. С определённой точки зрения этот образчик антигуманной медицины действительно нёс радость и богатым, и бедным.

М-да. А мне ещё собственное чувство юмора казалось слишком чёрным.

Мешавший бизнесу премьер Чоури, по словам толстячка, этой простой вещи не понимал. Прошлый премьер-министр дельцу сильно не нравился. Ведь во времена власти «лицемерного идиота» «несчастные» бедняки утратили привычный источник дохода, а улицы заполнили беспризорники. Под одобрительные поддакивания заметившего мой условный жест Счетовода, размахивающий бокалом толстяк вещал, словно с трибуны, о необходимости контроля популяции черни и утилизации лишних людей — точнее, «будущих воров, шлюх и бандитов».

Правильно: зачем строить школы, создавать рабочие места и повышать производительность труда? Давайте будем бороться с перенаселением, отправляя лишних детей на сырьё! Интересно, у торговца не было родственников среди офицеров Подземной Базы? Слишком уж знакомые замашки. Так и хотелось вскрыть эту свинку от горла до паха, чтобы она повизжала над видом своих вывалившихся потрохов.

Жаль, что нельзя.

Я не хотел играть перед собой в лицемерное самооправдание, что-де «эти жизни послужат во имя народного блага, будущей борьбы против чёрной алхимии и чего-то там». Пусть слабаки перекладывают на других ответственность за свои решения. Эти жизни послужат мне. Точка!

И да: мне не нравилось, что в моей Империи благоденствовали подобные торговцу и производителям эликсира могильные черви. Однако я не собирался и безапелляционно выступать против сходных средств, ведь они полезны. Но разве алхимическая наука не способна на большее, чем превращение невинных младенцев в прану? Если энергия животных или хотя бы взрослых смертников не подходит для дистилляции препарата, то неужели нельзя

создать преобразователь? Что за варварство?

Да даже такой неуч, как я — и то сходу сгенерировал пару идей в этом направлении! Да, Бездна их пожри, уже существовало готовое решение в виде какого-то вампирического тейгу! Разве нельзя его исследовать или поднять в архивах исследования прошлых эпох?

Но нет. Зачем нам думать? Деды давили сок из младенцев, отцы давили — и мы будем! Положимся, блин, на мудрость веков. Дебилы смрадные! Плесень мозговая! Тр-р-рационалисты, залюби их Бездна!

А вообще стоило потом пообщаться с бывшим Премьером. Вроде не самый плохой человек, раз его ругала подобная гуманоидная сволочь. Да и реформы, которые они с прошлым Императором пытались запустить, на мой непрофессиональный взгляд смотрелись неплохо. Заверши они свои преобразования — может, и вправду страна сейчас выглядела бы иначе.

Хотя не факт, что мы сойдёмся взглядами. Складывалось впечатление, что Император, Чоури и их сподвижники смотрели на мир с избыточным идеализмом. Не хватало им жёсткости и здоровой паранойи.

История обоих миров учила: любой реформатор, желающий дожить до старости, обязан иметь под рукой мощный аппарат выявления и подавления несогласных. Император с Чоури этого то ли не понимали, то ли не принимали, но взглядов они придерживались неоправданно либеральных. По крайней мере, анализируя прессу тех времён, не удалось найти информации ни о репрессиях, ни о судебных процессах над самыми громкими недовольными, ни некрологов после «несчастных случаев», «таинственных исчезновений» или «нападений разбойников», что могло бы косвенно свидетельствовать об активной работе моих коллег по ведомству.

Хотя не удивительно. Судя по прочитанному, во времена Чоури, в отличие от нынешней поры благодной вседозволенности, спецслужбы сидели в наморднике и на коротком поводке. Императрица вообще частенько позволяла себе выпады в адрес «душителей народных свобод» в лице Службы Разведки и ныне расформированной Тайной Полиции.

Да... притеснять свой же правящий класс, не имея опоры на спецслужбы, полицию и верные войска. Весьма... не умное поведение.

Нормированный рабочий день, какая-никакая трудовая безопасность и относительное равенство перед законом представителей одного сословия — это, безусловно, прекрасно. Но неужели реформаторы считали, что богатые и влиятельные, которых они в основном и ущемляли, покорно утрутся? Или утрутся аристократы, которых (о, ужас!) решили обложить налогами? С сидящими на голодном пайке тайными службами, что при таком отношении могли (и, судя по всему, сделали) сыграть за заговорщиков?

Ну-ну...

Император с женой сами вырыли себе могилу. Онест, несомненно, та ещё вероломная свинья, воспользовавшаяся доверием государя и его отравившая. Но он просто успел первым. Не подсуепись бородач, и на его месте оказался бы кто-то другой.

Что интересно: судя по старой прессе, Онест, когда его посадили на пост смещённого Чоури (почему, кстати, не «внезапно скончавшегося»? Что ещё за внезапное милосердие?), не обладал и десятой долей нынешнего влияния. Не особо родовитый и не слишком влиятельный, бывший министр финансов изначально, вероятно, казался всего лишь «говорящей головой». По крайней мере, даже в насквозь проправительственном «Имперском Вестнике» его, в отличие от некоторых других фигур, не пытались особо облизывать, и складывалось чувство, что Онест на своём посту ненадолго.

А вот потом как раз резко наступило «время отставок и некрологов», когда за два года на отдых от дел или прямиком на тот свет отправилось множество видных политических деятелей, чиновников и влиятельных аристократов. Они болели, совершали самоубийства, подвергались нападениям монстров и разбойников, попадали в несчастные случаи и просто исчезали без вести.

Иными словами, развернулась ожесточённая (пусть и скрытая от глаз широкой общественности) война за власть. Война, в которой странным образом победил забавный, не производящий особого впечатления бородатый толстяк.

Вживую его видеть мне не приходилось, но на портретах Онест выглядел скорее обычным любителем выпечки, нежели матёрым и жестоким интриганом.

Симпатии к этому беспринципному политику я не испытывал, но росток некоторого уважения к человеку, вопреки вроде как предначертанной судьбе взобравшемуся на самую вершину и сумевшему на ней удержаться, во мне зародился. Хотя это ничуть не убавило желания от него избавиться, ибо именно бездарное правление нынешнего премьер-министра и ускоряло сползание страны в пропасть.

Что тут сказать? Далеко не всегда хороший правитель оказывается толковым интриганом, как и наоборот.

Раз петелька — два петелька.

Но стоило вернуться к более приземлённым и животрепещущим проблемам, нежели не самые компетентные управленцы на политическом Олимпе. Сегодня оказалась окончательно раздавлена надежда на скорое исцеление ребят.

Ведь на чём строились самые оптимистичные из моих намёток? На том, чтобы вывести Отряд из-под влияния нынешних офицеров-идиотов. А адекватные люди и без моего вмешательства поняли бы, что глупо держать ценных подчинённых на убивающих их стимуляторах. Я прикинула несколько более-менее реалистичных вариантов, как убрать старых и подтолкнуть новых командиров к нужному решению.

Увы, но в новом свете вторая часть планов стала бесполезной. Теперь стало понятно, что, с рациональной точки зрения, лечить ребят — тупо невыгодно. Слишком дорого, слишком непредсказуемый результат и слишком много времени придётся потратить на реабилитацию.

Раз петелька — два петелька.

«Что ж, значит, сидеть относительно тихо и до поры копить ресурсы и информацию не получится, — мысленно резюмировал я. — Придётся вылезти на свет чуть раньше... но какая же всё-таки тупоголовая мразь этот Билл!» — резко выдохнув, подавил норовящие полыхнуть ненавистью чувства.

М-да, теперь желательно не только выполнить задание, но и разжиться золотом. Большим количеством золота. Можно сказать, что из второстепенных «побочек» деньги практически перешли в список основных целей. С нынешним уровнем коррупции сотня-другая тысяч ауреев и знание — кому и сколько «занести» могли решить не меньше проблем, чем отряд бойцов с тейгу.

Да и отряд тейгуюзеров... Кто знает, вдруг получится выйти на посредников Ночного Рейда? Было бы очень иронично решить часть своих проблем силами товарищей сестры, сбежавшей бороться за «народное благо». Разве не отличная шутка выйдет?

Хотя это лишь мечты: хорошая интриганка из психически неуравновешенной убийцы вряд ли получится. Да и кто бы мне дал без особого риска прихватизировать пару тонн благородного металла?

Сама цель миссии тоже вызывала беспокойство. Уж не из-за неё ли меня терроризировала проснувшаяся паранойя? Эта чёртова Кукута оказалась не только экспортёром ценных ресурсов (в том числе, кстати, и золота!), но ещё и располагалась так, что могла стать удобным плацдармом как для имперских войск, реши они раздавить окопавшихся на Юго-востоке мятежников, так и для сил Революционной Армии. Для мятежников практически не затронутая недавней войной провинция стала бы и вовсе императорским подарком.

И на этом фоне для устранения проблемы посылают одну-единственную группу А.

Неужели в верхах Службы Разведки сочли, что убийство губернатора и главы гарнизона решит вопрос? Или местное отделение держало ситуацию под контролем и нуждалось только в устранении слишком проблемных целей?

Угу, прямо верю. В Столице идиот сидел на идиоте, потому что все компетентные спецы обосновались где-то в захолустье. Это даже звучало бредово.

В принципе, Контора могла послать ещё несколько групп параллельно нашей — но, учитывая паршивое взаимодействие отделов внутри ведомства с высокой внутренней конкуренцией и общей неразберихой, такой ход мог обернуться даже большими проблемами.

Я мимолётно пожалел о том, что избавляться от зависимости и пожинать последствия придётся именно сейчас, но тут же себя одёрнул. Такие длительные задания редко нам выпадали. А что до опасности, то нарваться можно где и когда угодно. Тут хотя бы приблизительно известны противники и возможные источники неприятностей. Главное — работать автономно и не связываться с коллегами из местных. Даже забыв о скребущей нутро интуиции, эти провинциальные увальни всегда норовили досыпать проблем.

«А вязание действительно успокаивает, — подумал я, закончив творить, — почти как вкусняшки и убийства неприятных личностей. Ещё бы получалось что-то более симпатичное, чем кривые черви. М-да, надо было сразу действовать по шаблону, а не изображать из себя художника от слова худо».

Мысленно подшучивая над своим «талантом», донёс поделки до раковины и, сконцентрировав в руке негативную энергию, обратил их в прах. Прислушавшись к внутренним ощущениям, я задумчиво следил за тем, как под действием чёрно-фиолетовой дымки, выходящей из центра ладони и кончиков пальцев, истлевало моё неудачное рукоделие. Кисть словно окунули в наполненный острыми иглами жидкий лёд. Не сказать, что больно, но непривычно.

Тоже неоднозначно. Некоторое усиление способности к прямой манипуляции проявленной энергии показывало рост силы, что, бесспорно, радовало.

Но в нынешней ситуации слишком хорошо — это плохо.

Процесс повышения синхронизации с Яцуфусой шёл даже без стараний с моей стороны. Теперь эфемерное чувство прохлады в груди ощущалось почти постоянно. Стоило бы радоваться, только вот радости мешали начавшие проявляться признаки угнетения собственной энергетики слишком плотной и агрессивной силой не самого светлого артефакта. Пока ничего опасного или даже неприятного, но что вскроется после начала ломки? Остановить прогресс несложно, но не обратить его вспять. Кто знает, не окажется ли нынешний уровень негативной энергии слишком высок для ослабленного организма? И какие проявятся последствия, если всё же окажется?

Помыв руки, посмотрел в зеркало.

«Хм, интересно, а рожки мне к лицу?» — вспомнились набившие оскомину сны о демонической твари под алым небом. Отражение смотрело с кривой улыбкой и затаённой во взгляде тоской.

— Стр-рах, разруш-шения, холод, с-страдания! — согнув пальцы на манер когтистой лапы, корчу зеркалу нарочито злобную «демоническую» физиономию. На лице четырнадцатилетней девчушки, которая и на свой-то возраст не выглядела, подобная гримаска смотрелась скорее мило, чем грозно. Взгляд в зеркале повеселел. Стоило представить себя с рожками и хвостиком (почему-то розовыми), в голову сразу полезли ассоциации с визитом в бордель и тамошними «зверодевочками» с их аксессуарами.

«Пф, что за пошлая демоняшность? Нет уж, лоли-убийцы — это, хех, классика, а вот лоли-демонессы — уже вульгарщина и почти хентай.

Пусть с хвостиками из одного места ходят профессионалки».

— Хентай, ты не пройдёшь! — грозно прищулив глаз, я ткнул пальцем в отражение и, глядя на него, не сдержал смешок.

Ещё немного покривлявшись перед зеркалом, направился в спальню. На губах играла лёгкая улыбка.

Всё же Кей Ли в чём-то прав: если смотреть на мир с юмором, то он виделся в не таких мрачных тонах.

Что ни говори, а умение посмеяться над собой и своими проблемами — полезная штука. Помогает не поехать крышей. Ну, в смысле, не поехать ещё сильнее, чем уже успела девочка-убийца-некромантка, которая так до конца и не определилась с гендерной и, наверное, даже видовой принадлежностью своего лоскутного «я».

* * *

С аппетитом уплетая жаркое, я искоса поглядывал на ребят.

Натал выглядел задумчивым. Послезавтра вечером отбывало наше судно, что означало конец его отношений с Эрис. В отличие от девушки, которая могла надеяться их возобновить, Натал был уверен в обратном, прекрасно понимая, что из себя представляла наша группа.

Мне тоже было грустно от предстоящего расставания с этой светлой особой, чьё тепло, искренность и вера в «добрую Куроме» помогала мне не слишком скатываться во мрак. Но время не стоит на месте, негаданный отпуск заканчивается и скоро жизнь снова войдёт в привычную колею: кровь, людская грязь, убийства невинных, дыхание смерти в затылок и прочая веселуха.

Впрочем, если мои планы выгорят, многое может поменяться. Кто знает, быть может, мне ещё доведётся погулять на свадьбе друга и Эрис?

Акира, как и Натал, тоже пребывала в своих мыслях: видимо, она прочла достаточно, чтобы понять всю прелесть наших стимуляторов. А так как девушкой она была активной, то и размышляла она, хм, активно. Рыжая то задумчиво хмурилась и барабанила по столу пальцами, то начинала тереть лоб, то водила по тарелке ножом, словно пытаясь начать на ней писать. Её поведение напомнило мне одну знакомую из прошлой жизни. Та схоже себя вела перед сессией и так же срывала злость на тех, кто неосторожно пытался её успокоить или отвлечь. Хотя заскучавший в тишине Кей, тербя свою подружку, похоже, только того и добивался.

Вот ведь любитель устроить шум на пустом месте!

Бэйб, как всегда, оставался молчалив и флегматичен, но по довольно прищуренным векам было заметно, что здоровяк находится в хорошем настроении. По дороге к гостинице я видел детей, носящихся с деревянными игрушками-погремушками, так что причина хорошего настроения добродушного любителя резьбы по дереву для меня секрета не составляла.

Всё же странные у него наклонности — для убийцы. Но фигурки очень красивые.

Эрис с нами не было. Это мы, как зрители, могли себе позволить не торопясь пообедать и так же не спеша двинуть за город, к месту проведения фестиваля, — а вот его участница суетилась там уже с утра. Близилось время выступления девушки, поэтому вскоре, допив кофе или чай и прикончив десерт, мы загрузились на транспорт.

* * *

Добравшись до точки randevu, группа встала рядом с установленным на высоком шесте огромным флагом Империи. Полотнище с изображением стилизованного золотистого дракона, обвивающего колокол на зелёном фоне, красиво колыхалось на ветру. Эрис обещала нас здесь встретить, но мы появились раньше, потому в ожидании принялись осматриваться и переговариваться.

По земле в подобии броуновского движения перемещались массы нарядно одетых людей. Над землёй под лёгким ветерком реяло множество разноцветных полотнищ, флагов и флажков: зелёные имперские, синие с гербом города, всех цветов радуги с гербами аристократических родов (я с неудовольствием отметил множество гербов рода Лэйк). Логотипы каких-то компаний соседствовали с транспарантами, обычными гирляндами из цветных кусочков ткани и флажками-знаками над туалетами и торговыми точками. Пахло дымком и готовящейся на открытом огне пищей. Судя по длинным очередям, местные шашлычники-шаурмечники сделают сегодня месячную выручку, не меньше. Гул множества голосов мешался с неразборчивым шумом далёких звуковых усилителей.

Шумно, но не раздражающе.

Не так давно мне довелось побывать на празднике природы или как там его, и бродящие по праздничной площади галдящие сборища не вызвали внутри положительных чувств, скорее наоборот. На сей же раз оказалось не так.

Возможно, из-за ребят. Трудно чувствовать свою чуждость, если рядом радуются празднику твои товарищи.

— Ну и толпища! — ахнула Акира, глядя на многие тысячи людей собравшихся на поле. — Будто весь город собрался!

— Ага, слетелись, словно мухи на мертвечину, будто тут деньги раздают, — поддержал свою девушку Кей. — Не-не, я в человеческий маринад играть не согласен! Не для того мой цветочек рос!

— Ха-ха, я тоже первый раз вижу столько людей в одном месте, — со смешком сказал Натал, — но, думаю, твоему цветочку ничего не грозит. На поле толкаться не придётся. Посмотри, тут даже пикники устраивают, места хватает.

— Это по краю. Тут же, в этом гуле, ни бельмеса не слышно! Или слушай толпу — или жмись к сцене и трись боками. Ладно бы вокруг были симпатичные девчонки, — парень увернулся от подзатыльника рыжей, — но тереться о мужиков я не согласный! Вдруг кто-то захочет пронзить мой нежный внутренний мир своим длинным твёрдым клинком? Я не такой!

— Ты хуже, — Акира ткнула своего бойфренда в бок, — прекрати нести похабщину или я сама тебя прибью, полудурка кусок!

— Ай-ай, Огонёк, всегда такая жгучая! За это тебя и люблю, — брюнет приобнял смущённо стукнувшую его девушку.

— Дурак, — Акира примолкла, прислонив голову к плечу парня.

— Кхм, Кей, ты неправ, — решил продолжить диалог Натал. — На центральной сцене установлены усилители звука, а вокруг платного сектора стоит изгородь. И откуда здесь взяться враждебным убийцам? Или ты боишься простых бандитов?

Пока Кей с Наталом, ожидая появления Эрис, развлекали себя шутливым спором, я усиленно пытался понять — что же зацепило мою интуицию. Вчерашняя тревожность резко скакнула на новую планку, заставив мысленно напрячься в ожидании... чего-то.

Опасности вроде бы не чувствовалось, но что-то неприятно скребнуло на краю сознания. Попытка оглядеться ничего не принесла, лишь заставила внутренне цыкнуть на свой невыдающийся рост и отсутствие возможности призвать трёхметрового Прапора, на плече

которого можно перемещаться, как на бронепоезде из прошлого мира.

— Бэйб, посади меня на плечи, — обращаюсь к молчаливому здоровяку. Тот не став ничего спрашивать и проигнорировав остроты Кея, с присущей ему степенностью выполнил мою просьбу. Вот чем здоровяк мне больше всего нравился, так это отсутствием тяги к лишним вопросам и исполнительностью.

Я снова огляделся, уже с высоты занимаемой позиции. На первый взгляд ничего угрожающего или необычного. Скользя взглядом по толпе, пытаюсь понять, что же вызвало настороженность.

Шумная группа молодёжи — мимо.

Целеустремлённо топающая пятёрка стражников — мимо.

Армейский офицер в мундире и при оружии, придерживающий за талию хихикающую над его шуткой девушку — мимо.

Мутный тип, похожий на бандита, грубо схвативший за ворот своего одетого в недешёвый костюм визави и что-то выговаривавший ему на ухо — мимо.

Трясущийся от ломки наркоман — тоже мимо... Взгляд ненадолго задержался на будущем собрате по несчастью, но вскоре продолжил выхватывать в толпе чем-то выделяющиеся личности и компании.

...Высокий мужчина с необычной, закрученной в смотрящий вперёд цилиндр причёской и зеленоволосый парень лет восемнадцати — мим...

Стоп! Чем-то эта парочка мне не понравилась.

Краем взгляда, так чтобы они не почувствовали внимания, продолжаю следить за привлёкшей внимание двойкой, одновременно с этим, увеличив скорость мышления, начинаю анализировать зацепившую взгляд неправильность. Что не так? Скупые движения бойцов? Да нет, таких здесь хватало. Среди многочисленных армейских каждый четвёртый двигался похоже. Военная выправка тоже намекала на принадлежность темноволосого модника и его спутника к армии. Правда, легкомысленная причёска накачанного мужика выглядела несколько необычно для военного, как и абсолютно раздолбайский вид зеленоволосого. Впрочем, для Воинов Духа даже в армии традиционно существовали послабления в плане внешности, а принадлежность обоих к этой касте чувствовалась вполне ясно.

Нет, не это меня привлекло. И даже не ощущаемое от дуэта чувство некоторой напряжённости, хотя оно тоже играло свою роль. Почему-то после взгляда на этих двоих, внутри заскреблось странное чувство узнавания. А ведь, с обладателем выдающегося чуба-рога мы точно не встречались, да и с зеленоволосым вроде бы не пересекались. Откуда тогда взялось чувство дежавю?

«Где-то я их видел. Может на розыскных листах? Явно же не шпана, от шпаны опасностью не веет, — стоило прозвучать в голове этой мысли, и я тут же понял на кого наткнулся. — Ба! Да это же Булат из Ночного Рейда! А зеленоволосый, если не врёт память о манге — Лаббак. Вроде бы он владеет любопытным сенсорно-боевым тэйгу, управляющим нитями».

Ради проверки, поудобней усевшись на плечах Бэйба вошёл в неглубокий транс. Так и есть — вместе со знакомыми огнями членов группы и несколькими слабыми сигнатурами уровня неофит-ученик восприятие засебло два мощных присутствия уровня Мастера. Конечно, можно было попробовать определить наличие у них тэйгу, но для этого нужно нырять в полноценный транс с риском упасть с плеч товарища. Да и нет уже в этом смысла, и так всё понятно.

«Проклятье! И какого демона их сюда принесло?! И, подери их боги и демоны, почему именно сегодня?!»

* * *

Мысленно ругаясь на клятых мятежников, Ночной Рейд и свою удачу, я отозвал в сторону Натала.

Почему меня так не обрадовала встреча с потенциальным пополнением коллекции? Ну, на это имелось много причин.

Во-первых, даже один Булат в прямом бою имел хорошие шансы если не положить, то ополовинить нашу группу. Всё-таки прозвище Убийца Сотни ему дали не за сотню крестьян, а за более чем сто поверженных в одной битве элитных бойцов Южных племён, поголовно являвшихся воинами духа. Не хотелось бы связываться с этой бронированной машиной смерти.

Во-вторых, даже если удастся убить рейдовцев — скажем, внезапно напав в толпе — то тейгу новообретённых слуг всё равно заберут на Базе.

И в-третьих, приказа на уничтожение членов Рейда у нас нет. Это означало, что даже в том, недостижимо идеальном случае, в котором Булат и Лаббак окажутся ликвидированы без потерь и сопутствующих жертв, нас в лучшем случае ждёт день-другой профилактического карцера «за самоуправство».

Ну и в-четвёртых, сейчас мне невыгодно ослабление Ночного Рейда. Скорее наоборот: чем успешнее новые товарищи Акаме станут кошмарить правительственную верхушку, тем лучше для моего Плана.

Проблема в том, что, начини рейдовцы громко убивать свою цель (в то, что они приехали сюда аж из Столицы для посещения фестиваля, не очень верилось), в драку могли влезть и ребята. А это, как уже говорилось, при любых раскладах нам не на пользу. Приходилось усиленно скрипеть мозгами, пытаюсь придумать, как уберечь группу от возможного столкновения и не вызвать у сокомандников ненужных вопросов.

Разумеется, боевая двойка убийц Ночного Рейда могла планировать акцию и в другом месте, оказавшись здесь проездом — но лучше быть живым параноиком, чемдохлым оптимистом.

* * *

Известие о наличии под боком двух высококлассных бойцов Революционной Армии совсем не

обрадовало друга. Как и моё предложение с ними не связываться.

— По-твоему мы должны втянуть голову в панцирь и позволить им творить всё, что заблагорассудится? Так, Куроме?! — восклицания друга заставили поморщиться как из-за смысла, так и из-за своей громкости. Пьяная компания, вообразившая себя хоровыми певцами, немзыкально орала, маскируя наш разговор, но слишком повышать голос всё же не стоило.

— Натал, не кричи, мы не одни. Что ты предлагаешь делать с двумя опытными владельцами подобных игрушек? — я постучал пальцем по рукояти Яцуфусы. — У тебя есть идеи получше?

— Прости, я не должен был на тебя кричать, — парень значительно снизил тон. — Но если о нас не знают, мы можем застать их врасплох.

— Можем. Если повезёт, — я наклонил голову и улыбнулся краешком губ, не став договаривать что будет, если повезёт не нам. — Но что мы от этого получим?

— Как это что?! Мы уничтожим опасных преступников и защитим...

— Кого? — перебил я друга. — Кого ты собрался защищать с риском для себя и товарищей? И ради чего? Думаешь, «дома» оценят героизм? — насмешливо улыбаюсь. — Максимум похлопают по плечу, а скорей посадят в карцер за самовольство. Если ещё будет, кого хлопать или сажать.

— Ты считаешь, что мы не справимся?

— Не факт, что они не успеют среагировать. А прямое столкновение, даже в случае чистой победы, чревато последствиями, — намёк на множество сопутствующих жертв. Бойня посередине такого масштабного мероприятия явно не понравилась бы властям, и они не преминут пожаловаться начальникам наших командиров. А командиры Базы и в лучшие времена не страдали всепрощением. — Ты же сам всё понимаешь, Натал.

— Понимаю, но... твари его дери! Разве это не наш долг — защищать Империю?

— Наш, — пожимаю плечами. — Но некоторые её части нам мешают. А вот существование сильного пугала — наоборот, выгодно. Я уже объясняла почему.

— Ненавижу политику! — эмоционально выдохнул блондин, скривившись, словно надкусил конфету и обнаружил во рту вместо шоколада кусок грязи.

На днях я, в меру своего понимания, попытался объяснить ему часть раскладов. Новая информация вызвала у парня злость, перемешанную с отвращением и ярко выраженным нежеланием обсуждать подобные вещи. В принципе, его можно понять. Наталу, как воспитаннику Подземной Базы, тяжело принять концепцию государства как банки с пауками, которым в общем-то плевать на всё, что не затрагивает их паучьих интересов.

Тот факт, что нашему маленькому заговору нестабильная обстановка пока только на руку, другу тоже не пришёлся по нраву. Даже со слетевшими закладками понятие долга перед Родиной для парня отнюдь не стало пустым звуком. И понимал он этот долг не столь, хм, гибко, как я.

Мы ещё немного поговорили, занимаясь уточнением деталей, которое перемежалось недовольным бурчанием парня. В итоге сошлись на том, что когда закончится выступление Эрис, Натал уведёт её и группу на пирушку в честь успеха начинающей певицы (в котором никто из нас не сомневался). Начинаящая же владычица мёртвых собиралась присоединиться к посиделкам чуть позже, оценив выступление иных артистов на иной сцене. Пришлось заверить Натала, что прямой конфликт не планируется и, в случае чего, марионетки прикроют моё отступление.

О чем я говорить не стал, так это о своём намерении «подёргать тигра за усы». Разве можно упустить такую роскошную возможность передать сестрёнке привет? Да, затея слегка подшутить над товарищами Акаме смертельно опасна. Однако это не пугало, а наоборот: горячило кровь и заставляло сдерживать предвкушающий оскал.

Идти на неоправданный риск я, само собой, не собирался — но если представится шанс, почему бы не развлечь себя за счёт бойцов Рейда, заодно расширив поле возможностей?

— Хе-хе-хе...

Ненадолго оставив друга, направляюсь в ближайшую кабинку туалета, чтобы там призвать марионетку — повара, которого добавил в коллекцию в бандитском особняке.

После появления смуглого упитанного усатого мужика в ограниченном пространстве кабинки находиться стало неудобно, но надолго это не затянулось. Чтобы сломить волю миньона и заставить подчиняться, времени потребовалось едва ли не меньше, чем на пробуждение его разума. На редкость неустойчивый под давлением тип.

Точно не знаю, что подумали окружающие — но, судя по всему, что-то неприличное. После того, как за мной следом из туалетной кабинки вышел полноватый мертвяк, в нашу сторону обрушился шквал возмущённых взглядов. Мне, по большей части, достались осуждающие перешёптывания, а вот «старому извращенцу» — гневные взгляды и крики. Марионетку даже захотели поколотить. Забавно.

Желающих прицепиться с нравоучениями к юной некроманси тоже хватало, но толика фирменной дипломатии, приправленной лёгкой жадой убийства, быстро заставила грубиянов принести извинения за свои слова и поспешные выводы.

У меня определённо талант в этой области. Школу дипломатов, что ли, открыть?

Отправив немёртвого следить за рейдовцами, вернулся к купившему нам лимонад и пирожки другу, после чего мы направились к команде.

Почему я считал, что такого неуклюжего шпика, как упитанный повар, не обнаружат? А я и не считал. Наоборот: если убийцы Ночного Рейда его не заметят, это меня сильно разочарует. А если заметят... мне ведь хотелось над ними подшутить, не так ли? Вот от поведения дружков Акаме и будут зависеть дальнейшие шаги.

Вернувшись к остальным, мы увидели Эрис, о чём-то говорившую с Акирой, и двух синеволосых близняшек, льнущих к смущённому (что было сложно заметить незнакомому с ним человеку)

Бэйбу. Две, судя по пластике движений, то ли акробатки, то ли танцовщицы, взяв здоровяка в клещи, своим щебетанием вгоняли его во всю большую растерянность и смущение, что выражалось в окаменевшем лице и рубленых ответах. Бэйб от этого выглядел всё brutальней, чем, кажется и привлекал близняшек... всё сильнее. Положительная обратная связь в действии, хи-хи!

Заметив нас с другом, Эрис устремилась навстречу.

— Натал, Куроме, куда вы исчезли? Я уже начала беспокоиться!

— Да мы недалеко, — взмах надкушенным пирожком с вишнёвой начинкой. — Скучно одной ходить.

— Ла-адно, — протянула девушка, пристроившаяся под рукой Натала. — Познакомьтесь: это Рика и Вика, они танцовщицы и будут участвовать в выступлении вместе со мной, — сказала блондинка, когда мы подошли к остальным. Платья довольно миловидных девушек лет восемнадцати совершенно не отличались, и если бы не их прически, представляющие пару косичек у одной и свободно лежащие волосы у второй, они бы окончательно превратились в живые отражения друг друга.

После представления и пары вежливых фраз синеволосые девушки вернулись к своей жертве, и мы всей компанией двинулись к центру.

«У-у, даже молчун Бэйб нашёл своих почитательниц, да ещё близняшек! А у меня только проститутки, марионетки и ручной кролик. И тот немертвый. Жизнь — боль! — мысленно иронизируя, заключил я. — Почему некроманты злые? Потому что их никто не любит! Да-да, а если кто скажет, что некромантов не любят, потому что они злые, тот станет первым кандидатом на острые* эксперименты, хе-хе».

/* — такие эксперименты, при которых сохранение здоровья и жизни подопытных не считается необходимым./

* * *

Послушав местных исполнителей, я понял, что имперская эстрада мне не по вкусу. Не то чтобы исполнители, предшествующие Эрис, плохо пели — скорее, мне не нравилась тематика большинства песен. Слишком, хм, уныло, словно советская эстрада восьмидесятых.

Отвращения не вызывает, ибо именно эстрада, а не попса — но не моё.

Не все исполнители попадали под это определение, но в целом превалировали различные «любовные томленья» и рафинированная военная героика, довольно шаблонная. Впрочем, народу вроде бы всё нравилось. Быть может, в эти беспокойные времена люди стремились к спокойствию и стабильности хотя бы в песнях. Однако, в силу личных качеств одной убийцы, большинство артистов так и не смогло затронуть ни одной струнки в её душе. Неудивительно, что пирожкам и лимонаду я уделила гораздо больше внимания, чем выступающим.

Также время от времени я посматривал за состоянием своего шпики. Ну как — посматривал? Подключался по управляющей связи. Увы, смотреть глазами миньонов, как предок, пока не получалось; но считать общее состояние, эмоциональный фон и некоторые образы — вполне. Естественно, при условии, что мертвяк находится не слишком далеко.

Слежку миньона, как я и предполагал, смогли заметить, хотя существенно позже, чем ожидалось — и... дали ему пинка, прогнав. Даже странно. Планируя и составляя роль своему слуге, я хоть и исходил из того, что пара ликвидаторов Рейда начали свою карьеру меньше года назад и ещё не успели обзавестись должной степенью паранойи и наплевательского отношения к жизням случайных свидетелей, но не особо верил, что они пойдут по ветке «мягкотелости».

Что ж, раз марионетка функциональна, то и наш кукольный театр продолжит свою работу.

Собственно, я и так уже обнаружил область интереса революционных коллег, которая, вот ведь сюрприз, представляла собой вип-трибуну для тех, кто не хотел сидеть рядом не только с «быдлом», но и с богатеями рангом пониже. Охраны там, конечно... хватило бы на противостояние с небольшой армией. Ценили «буржуины» свою жизнь. Прогулявшись и посидев в медитации рядом с «островком высшего света», мне удалось насчитать девять

источников присутствия уровня Воина и пару десятков Адептов, а где-то в центре чувствовались и два присутствия ранга Мастера — причём один даже имел энергетического сателлита в виде тейгу.

Скромная добрая волшебница обошла бы стороной цель, засевшую под такой охраной. По крайней мере, без хорошей подготовки и сильной необходимости в это лезть я бы подождала более удобного случая для устранения. А если бы совсем припёрло, скорее, туда отправились бы плотно нафаршированные мощной взрывчаткой марионетки. Даже если цель — высокранговый Воин Духа, внезапный близкий взрыв его как минимум дезориентирует. Но это крайняя мера: столь грязные методы с массовыми смертями от взрыва и паники мне не очень импонировали. Бесцельно плодить горе и смерть среди не причастных граждан собственной страны — нехорошо.

Что до убийц Ночного Рейда, то тейгу-броня Булата позволяла ему, ко всему прочему, становиться невидимым, что значительно облегчало внезапную атаку и спешное отступление. Его же напарнику, если я правильно помнил способности артефакта зеленоволосого, и вовсе не требовалось показываться врагу: достаточно управлять невидимыми нитями, сидя в стороне. Иными словами, эта пара имела неплохие шансы устранить цель и отступить даже в случае прямой атаки.

Впрочем, сомнительно, что они полезут в лоб, если вообще решатся устранять цель в толпе. С другой стороны, в толпе работать удобнее, особенно если выманить жертву из-под охраны. Посмотрим, что будет.

Так и тянулось время до «второго акта». Революционеры чего-то выжидали, поглядывая на вип-трибуну и отирающегося рядом моего миньона.

Последний, исполняя роль, крутился у них перед глазами, ожидая, пока его прихлопнут.

Его же хозяйка, исследовав округу на предмет скрывающихся сообщников рейдовцев и никого не найдя, под музыку жевала пирожки с вишнёвой начинкой, и вместе с товарищами ожидала, когда на сцене покажется Эрис, заодно прикидывая сюжет будущей пьесы.

Всё шло по плану. До поры до времени.

— Сестрёнка, — подёргал меня за край юбки белобрысый мальчишка лет шести на вид. Наткнувшись на мой недовольный взгляд, маленький хулиган, ничуть не смутившись, спрятал руки за спину. — Сестрёнка, дай пирожок!

— А подзатыльник не хочешь, вымогатель?

— Не-е-е, — мальчуган почесал вихрастый затылок, — подзатыльник мне и мама даст, когда поймает. Ну дай! У тебя их вон сколько!

— Мало.

— Бу-у! А мама говорит, что девочкам много сладкого нельзя! Или они станут толстыми и незамужн... — «Шлёп!», — звук подзатыльника заставил мальчугана замолчать. — Ауч! Ну ма!

— Не мамкай! — И повернувшись ко мне. — Простите моего сына, госпожа, — произнесла нанёшшая «удар вразумления» женщина, — совсем нет управы на этого негодника.

— Да ничего, — пожимаю плечами и отворачиваюсь от матери, отчитывающей сына.

* * *

Вышедшая на сцену Эрис поклонилась зрителям и произнесла коротенькую приветственную речь. Голос девушки подхватили и усилили устройства, выполнявшие роль звуковых колонок. Странные полусферические штуки без видимых динамиков совсем не походили на привычную электронику, скорее — на образчик какой-то футуристической техномагии. Вероятно, это предположение не так и далеко от истины, ведь, по словам интересовавшейся вопросом блондинки, звуковые усилители служили уже больше трёх веков, явно выходя за любые гарантийные сроки обычной техники.

Завершение коротких традиционных слов представления-приветствия ознаменовалось

одобрительным гулом зрителей. Мужских голосов в гуле было больше. Неудивительно: всё же Эрис красива по любым, самым строгим стандартам. В ярко-синем платье, с сияющими счастьем изумрудами глаз и яркой белозубой улыбкой девушка выглядела действительно превосходно.

Даже многие представительницы «прекрасной половины» вместо недовольства в адрес слишком красивой конкурентки присоединились к «сильному полу», так поддерживая молодую певицу задорными возгласами. Что тут сказать? Харизма.

Девушка отступила от края сцены, а музыканты начали играть. Немного тревожащий звук пианино напоминал стук сердца, а периодически вступающий виолончелист извлекал из своего инструмента жутковатый скрип несмазанных воротных петель. Переплетаясь с переливами флейты, всё это создавало грустную и немного беспокоящую мелодию. Начавший распространяться по сцене туман отлично дополнял создаваемую атмосферу, как и закружившиеся в танце уже знакомые мне близняшки. Обе имели за спиной нечто вроде плаща из лёгкой газовой ткани, полы которых были прикреплены к запястьям, что при движении создавало иллюзию крыльев — белых у одной и чёрных у другой. Похоже, девушка близко восприняла мою идею о подтанцовке.

Вскоре зазвучал вкрадчивый голос Эрис:

— Она не придет — её разорвали собаки,*

Зарубили в дороге бандиты, надломился предательский лёд.

Её руки подготовлены не были к драке,

И она не желала победы, я теперь буду вместо неё.

«Размышлял — как сильно дорожные неприятности и общение с нами повлияло на психику милой блондинки? Вот тебе и ответ!»

Она-а плавает в формалине, несовершенство линий,

Двигается постепенно.

У меня её лицо, её имя, в платье таком же синем,

Никто не заметил подмены.

Благодаря дару Эрис можно было услышать не только музыку и красивый голос, но и ощутить эмоциональный посыл героини песни. Становилось немного грустно.

Она не придет — руки были в змеиной норе,

Голова в осином гнезде, а спина в муравьиной куче.

Буду я — я из более прочного теста,

Я достойна занять это место, и я многое делаю лучше!

С одной стороны, это хорошо, что симпатичный мне человек стал сильнее морально и физически. Но с другой... резкая трансформация действительно подобна смерти старой личности и рождению из её осколков новой. Кому, как не кадавру, собранному из двух частей, (даже двух с четвертью, если учесть некоторые перенятые у давнего владельца Яцуфусы черты и влияние самого артефакта), об этом не знать?

При взгляде на то, как «чернокрылая» танцовщица душила свою «белокрылую» товарку, погрузив её в расползшийся по сцене туман, мои губы искривила улыбка. Символично.

Она-а плавает в формалине, двигаясь постепенно,

В мутном белом тумане.

У меня её лицо, её имя, никто не заметил подмены,

Ключи проверяю в кармане ...

Вредная блондинка, своей неожиданной песней толкнула меня в омут рефлексии. Дальше я слабо реагировал на происходящее, больше погружённый в размышления. Тем более, остальные творения Эрис мне уже хорошо знакомы.

Хотя завершающая выступление «песня, написанная моей подругой», заставила досадливо дёрнуть губой. Понятно, что это задумывалось как своеобразный сюрприз, но он вызвал скорее раздражение от выходки вредной девчонки, нежели радость от «славы».

Не хотелось красть лавры авторов, пусть и оставшихся в ином мире. К тому же «Бал у Князя Тьмы»* — очень сомнительный выбор для общественного мероприятия. Слишком идеологически неоднозначные слова для нынешнего строя. Хотя Эрис и скорректировала текст зацепившего её произведения, но всё же, всё же.

«Вот ведь авантюристка! — мысленно бурчу, глядя на означенную особу. Утешало лишь, то, что моё имя так и не прозвучало, а власть не слишком остро реагировала на иносказательные выпады. Плети хулиганке, как благородной, и в худшем случае бы не светили, но вот на будущей карьере выходка вполне могла и отразиться. — Дурында. А если бы мне «Интернационал» захотелось перепеть?» — я показал сцене кулак.

Поздравив, а потом немного поругав закончившую выступление девушку, проводил весёлую компанию к площадке с экипажами, насилу отбившись от попыток затащить меня с собой. Оправдания и попытки сослаться на важные, не терпящие отлагательств дела совсем не принимались в расчёт. Если бы не помощь Натала и Кей Ли, которому я намекнул, что отправляюсь за липовыми документами (на деле они и так уже лежали в сумке у Прапора), отделаться от счастливой певицы оказалось бы сложно.

* * *

«Та-ак-с, раз нам больше не мешают, можно выбрать позицию поудобней. Заодно доразведаем округу и немного подготовимся, — в предвкушении скорых событий лёгкая хандра уступила место возбуждению. — Посмотрим, как умеют развлекаться террористы Ночного Рейда, а заодно оценим их боевой потенциал. Хе-хе, думаю, будет весело!»

* * *

— Хороша, чертовка! — Восхищённо цыкнул Лаббак. — И поёт классно, а, Булат? Как она дворцовую нечисть приложила?! Бал у Князя Тьмы, ха-ха, сразу видно наш человек! Вот бы её к нам, что скажешь?! — по слишком быстрой речи и лишним восклицаниям без труда читалась плохо скрываемая нервозность.

— А как же Командир? Или ты к ней охладел? — насмешливо спросил зеленоволосого высокий мужчина мощного телосложения.

— Никогда! Командир вне конкуренции! — порывисто заявил парень, который был давно, безнадёжно и безответно влюблён в Надженду — ещё задолго до того, как она перешла на сторону революции. Даже травмы, полученные генералом в битве со своей бывшей подругой — северной психопаткой Эсдес, не заставили молодого человека отказаться от своих чувств. Что, впрочем, не мешало ему страдать (по собственному мнению — наслаждаться) излишней и, несмотря на приятную внешность, зачастую неразделенной тягой к прекрасному полу. — Но красоты много не бывает! Правильно говорю?

Булат бросил взгляд на повернувшегося к сцене напарника. Мужчина искренне считал, что сражаться и умирать на войне — долг и право мужчины, а женщине там не место. Опытный боевой офицер и просто самый старший из членов Ночного Рейда не пытался никому навязать своё мнение: в конце концов, Воины Духа женского пола сражались наравне с мужчинами с незапамятных времён. Но тот факт, что четверо из шести членов их организации — девушки, угнетал мужчину не меньше, чем поначалу давила новая профессия убийцы и террориста.

Присоединившаяся к ним Акаме, как и вступившая после неё Майн, вообще несовершеннолетние девочки!

...ну, вернее, это розоволосая Майн — просто жизнерадостная девчонка, пусть и обожжённая жестокостью жизни на улице. А вот Акаме, несмотря на внешность не достигшей шестнадцати девчушки, смотрела на мир холодными алыми глазами ветерана-штурмовика, нахлебавшегося горя и крови. В том числе своих. До сих пор, натываясь взглядом на длинноволосую, холодную и молчаливую брюнетку, мужчина чувствовал, как сжимается сердце, а в душе поднимается мутная, бессильная злость на извергов, искалечивших ребёнка. Этими чувствами Булат тоже не спешил делиться, лишь крепче утверждаясь в необходимости коренных перемен в стране, где власть творит подобное зло. Как говорил его отец: «Есть вещи плохие, есть хорошие, а есть те, которые мужик обязан делать, если он мужик!»

На глаза попался молодой парень, который, встав на колени, вручил своей девушке небольшую

коробочку. Не успел тот подняться, как миловидная особа под громкий писк «Согласна!» бросилась ему на шею.

— Верно, — скрыв грусть, произнёс мужчина. После глаза озорно блеснули. — Но я считаю, что нам нужно больше настоящих мужиков! Нет ничего честнее и крепче настоящей мужской дружбы! Правда, красавчик? — Булат сгрёб рукой значительно уступающего в росте и массе спутника.

— Д-да, — полузадушено вырвалось из медвежьих объятий, — отпусти, задавишь.

— Ну что ты. Я же любя, — с хрипотцой сказал Булат, внутренне посмеиваясь над выражением лица резко отстранившегося Лаббака. — Но для тебя — что угодно. — Булат поправил свою выдающуюся причёску и мило улыбнулся, вызвав у напарника нервный тик.

На самом деле, эти шутки действительно были лишь шутками. Булата не привлекали мужчины. После знакомства с одной из ядовитых смесей южан его уже никто не мог привлечь. Благодаря медицинской помощи, живучести Воина Духа и влиянию тейгу мужчина смог выжить, но подлый алхимический яд всё равно взял свою плату. С тех пор Булат и прикидывался любителем мальчиков, обосновывая отсутствие интереса к женщинам. Пусть уж лучше считают извращенцем, чем «не мужчиной».

Со временем подобная игра, вернее, реакция окружающих на неё даже начала доставлять ему удовольствие. Вот и сейчас он таким образом помогал напарнику отвлечься, да и сам сбрасывал напряжение.

Мужчина этого не показывал, но он нервничал. Слишком непривычная задача и вдобавок неудобная обстановка для её исполнения. Всё-таки он изначально солдат, а не профессиональный убийца, чтобы воспринимать подобное нормой. Несмотря на то, что Надженда смогла настоять именно на этом плане, Булат всё равно был с ней не согласен.

Если случится бой, то в такой толпе неизбежно появятся случайные жертвы.

Стыдно признаться, но он жалел, что Майн со своим снайперским тэйгу уже находилась на задании, и вместо неё с Шелли в Сингстрим отправились они с Лаббаком. Однако после того, как решение утвердили, бывший офицер взялся за его исполнение, спрятав свою опаску и недовольство до возвращения с задания. Булат считал, что приказы вышестоящих обсуждать можно... но только после их неукоснительного исполнения!

Как при жизни говаривал очень уважаемый Булатом отец: «Настоящий мужик не должен жаловаться! Принял решение? Стисни зубы и делай!». Сперва мальчик, а затем мужчина всегда старался следовать этой «заповеди», даже когда хотелось опустить руки. Так и сейчас он излучал вонне уверенность, подбадривая неопытного напарника, смущенного необходимостью действовать в такой толпе.

Приказ есть приказ. Надженда умна. И если Командир говорит, что это — лучший шанс, то не ему (всего лишь майору) спорить с боевым генералом.

Но всё же в воздухе чувствовалась какая-то неуловимая, настораживающая неправильность. Но не опасность, вернее, не совсем она. Мужчина и сам не мог сформулировать свои ощущения, однако они оставались достаточно некомфортными. Словно неуловимый недобрый взгляд в спину. Булат покосился на привязавшегося к ним тупого рогоносца, по непонятной причине признавшего в нём любовника своей жены. Поймав его взгляд, смугловатый толстяк угрожающе нахмурился и сделал жест «я слежу за тобой». К счастью, дурак, наученный горьким опытом и затрещинами, уже не пытался лезть с кулаками. Нет, безголовый и безопасный толстяк никак не мог стать причиной беспокойства.

«Просто нервы шалют, — покачав головой, подумал Булат. — Но для порядка прослежу, чтобы Лаббак не забыл вырубить этого дурака, когда всё начнется».

«Что бы на это сказали мои старики, будь они живы? Батя бы точно в зубы двинул.

Эх, не получилось из меня настоящего мужика, батя. Не получилось!»

* * *

Наконец время размышлений закончилось, наступал черёд действовать.

— Она? — спросил Лаббак.

— Да, — ответил Булат, глядя на рыжую девушку в сверкающем стразами платье. На сцену вышла нынешняя пассия генерала Вита. — Всё готово?

— Да.

— Тогда дожидаемся конца выступления — и вперёд.

Генерал Вит давно известен и даже знаменит не только своей тягой к певицам, но и галантным отношением к каждой пассии. Вне зависимости от того, из какой семьи происходила девушка и насколько кратковременной планировалась интрижка, он никогда не заводил параллельных отношений и вёл себя с каждой, как с любимой и единственной.

На этом его и планировалось поймать.

Этого человека (в общем-то, неплохого, как Булат слышал от своего бывшего патрона — генерала Ривера) уже однажды пытались убить их товарищи по революционному делу, но неудачно. После провального покушения военачальник стал больше времени проводить в штабе корпуса, а если куда и отлучался, то место назначения, как и саму дорогу, тщательно проверяли, чтобы затруднить жизнь потенциальным убийцам. Вот и получилось, что сегодняшнее мероприятие выходило, возможно, самым удобным моментом для нападения. Вернее, не само открытие фестиваля (всё же трибуну для особых гостей охраняли не хуже штаба), а тот момент, когда мужчина пойдёт встречать свою закончившую выступление любовницу.

Бесчестно и даже подло. Но обвинённый в дезертирстве и предательстве протеже такого же опального генерала знал, на что шёл, когда принял предложение Надженды.

— Лаббак, разберись с ревнивцем, мы начинаем, — когда певица заканчивала последнюю песню, Булат двинулся в заранее примеченный закуток, где мог призвать броню и задействовать невидимость, благо времени на всё требовалось не больше секунды, и надёжное укрытие искать не требовалось. Краем глаза мужчина заметил, как напарник дёрнул пальцем, а надоедливый толстяк под начавшиеся аплодисменты схватился за шею.

На вип-трибуне начались шевеления, цель готовилась покинуть охраняемую территорию.

«Вперёд! — мысленно произнёс мужчина, словно давая команду солдатам. Его меч исчез, воплотившись в виде полностью закрывающей тело брони, которая тут же стала невидимой вместе со своим носителем, — И да помогут нам боги!»

* * *

«Твою мать! Почему каждый чёртов раз с началом боя заранее составленный план катится в задницу?!» — измождённый мужчина отозвал броню и устало сел, привалившись спиной к вороху каких-то цветных тряпок. В другое время он бы высказался вслух и покрепче, но сейчас, после напряжённого и чудовищно кровавого, несмотря на свою скоротечность, боя не хотелось даже ругаться.

Мужчина опустошенно смотрел в стену.

По плану он должен был напасть из невидимости и, убив генерала, скрыться. Просто и надёжно. Если цель и пара сопровождающих офицеров успели бы среагировать (Вит был довольно сильным бойцом, хоть и не владел тэйгу), Лаббак с помощью своих невидимых нитей всё равно дал бы ему время, задержав охрану.

Именно из-за высокой вероятности второго сценария Булату и не нравился этот план. Потери среди непричастных зрителей в этом случае становились неизбежны.

Но даже в худших предположениях мужчина не ожидал случившегося кровавого кошмара.

— Твою мать! — сжав зубы, глухо процедил он вслух.

Кто мог ожидать того идиота с пистолетом, что возжелал подстрелить не угодившего ему военачальника — да ещё так криво, что попал в Булата? Окруженный людьми мужчина просто не мог увернуться, никого не покалечив и не убив, что всё равно раскрыло бы его местоположение. А дальше всё покатилося дракону в пасть. Двое сопровождающих успели обнажить оружие. Они удивительно ловко — для всего лишь Воинов — путались под ногами, не давая себя убить. Сам генерал Вит пусть и проходил по нижней границе ранга, но был признанным Мастером. Втроём они сумели сдержать первый натиск, не попав под удар копья, призванного Булатом.

Не то чтобы это их спасло: всё же он был сильнее, быстрее и искуснее, вдобавок ко всему имея возможность принимать удары на броню. На самом деле он бы мог справиться гораздо быстрее, но сдерживался, чтобы не повредить ни в чём не виноватым зрителям.

Только судьба опять выкинула "глаза змеи"* — и снова не в пользу Ночного Рейда.

/* — две единицы на игральных костях. Минимальный возможный результат, провал./

«Этот ублюдский мудака!!!» — когда мужчине всё же удалось смертельно ранить свою цель, в бой ворвался ещё один участник. И в отличие от бывшего и настоящих офицеров Имперской Армии, он абсолютно наплевал на сопутствующие жертвы.

Даже понимая, что обречён, Вит (как и его охрана) не пытался скрыться в толпе и использовать зрителей, для находящихся в ускорении бойцов словно застывших. Напротив: они, как и Булат, старались минимизировать количество пострадавших, в чём достигли относительного успеха — несовместимые с жизнью ранения получило не больше десяти человек. Ещё сколько-то получают контузию от ударных волн, но это невероятно хороший результат для схватки подобного уровня в таких стеснённых обстоятельствах.

К сожалению, на том дело не кончилось.

Ворвавшийся в практически завершившийся бой сероволосый безумец сразу показал, что ему плевать на жертвы. С паскудной усмешкой на коричневом от загара лице, перечёркнутом светлой крестообразной татуировкой, эта тварь швырнула в Булата маленькую девочку. К сожалению для мужчины, он никак не мог её спасти. Отправленная в полёт малышка была уже мертва от чудовищной перегрузки; единственное, что он смог сделать — это остановить тельце, чтобы оно не убило ещё кого-нибудь. Брызнула кровь.

Впавший в бешенство мужчина бросился на выродка, но не смог добиться ничего, кроме катастрофического увеличения жертв. Ему приходилось сдерживаться. Ему, но не врагу. Желтоглазый урод не собирался сражаться, он желал устроить бойню. Взвесь из крови, плоти и внутренностей заполнила место схватки. Когда Булат всё-таки смог прижать неожиданно сильного ублюдка, — мужчина дотронулся до живота, куда получил удар ногой, место удара до сих пор ныло, — тот просто исчез.

Безумный мясник владел тейгу телепортации!

Когда прибыли новые враги, Булат оказался уже морально вымотан и не в состоянии эффективно вести бой. Напрягая немногие оставшиеся силы, он увёл преследователей в сторону, подальше от скрывшегося в паникующей толпе Лаббака. Потом, снова задействовав прожорливую способность к невидимости, добрался до хранилища реквизита рядом со сценой. Уж здесь его искать не будут, по крайней мере, не сразу. Ему нужно восстановиться.

Кровь исчезла с него вместе с бронёй, но ему казалось, что липкая алая жидкость так и осталась на коже, укоряя слишком невезучего и нерасторопного убийцу за множество невинных жертв.

— Я убью эту меченую тварь, — глухо прорычал Булат. Таким голосом, каким, по старому сравнению, рвут железо и дробят камни. А ещё — приносят самые искренние, подсердечные клятвы. — Чего бы это мне ни стоило, но ублюдок не должен жить! — подрагивающие от пережитого пальцы сжались в кулаки.

— Знаете, Булат, — из тёмного, ранее казавшегося пустым угла раздался детский голосок, — мне совсем не нравятся мятежники. — Голос оказался девичьим; его хозяйка сделала несколько шагов на свет и присела на пианино. — Как и ваша дурная компания рейдеров-налётчиков, куда вы затащили сестру. Но в чём-то я с вами солидарна: Сюру я бы и сама с огромным удовольствием прирезала. Медленно.

— Ты ещё кто такая?! — вскочившего на ноги мужчину хоть и ввела в замешательство внешность девочки, беззаботно жующей печенье, но он и не подумал отнестись к ней халатно. Обычные девочки не носят на поясе меч, не знают в лицо и по имени одного из самых разыскиваемых в Столице преступников.

И уж точно обычные девчонки не ведут себя с такой пренебрежительной расслабленностью, оказавшись с этим преступником наедине.

Конечно, юности свойственна бесшабашная вера в своё бессмертие, однако вставшее на дыбы чувство опасности не позволяло расслабиться. Взгляд опытного воина подметил, что «беззаботная» девчонка сидит подозрительно удобно для мгновенного перехода к бою. И это не говоря о том, что Булат, закалённый партизанской войной с южанами, только сейчас смог ощутить её присутствие!

— Куроме, Специальный Отряд Убийц имперской службы разведки, — девочка прыгнула с пианино, изобразив устаревшее уставное приветствие.

А именно — приветствие старшего нижестоящему.

«Она что, смеётся надо мной? — удивлённо мелькнуло в голове. — Наглая мелочь!» — Булат хмыкнул и немного расслабился, поняв, что на него не собираются нападать. Ну, вот прямо сейчас.

— Булат, Ночной Рейд, — адресовав собеседнице кивок, представился мужчина. Немного подумав и оглядевшись, он убрал руку с меча и снова сел. Не то чтобы он потерял бдительность, но если он не ошибся, то, желай эта девочка на него напасть, сделала бы это внезапно.

А если так — глупо стоять, словно ты и впрямь салага перед старшим офицером.

— А как же «Умри, имперская подстилка! Мой тейгу толще и длиннее, чем твой!» и всё такое? — сменив манеру речи, сидящая на лакированном инструменте девчонка изобразила забавную

рожицу. Только глаз гримаска не коснулась, зеркала души имперской убийцы отражали точно такую же горечь и затаённую злобу, как и у него самого.

А ведь она всё видела. Видела и узнала ту меченую отрыжку дракона, но не попыталась напасть на Булата.

— Зачем? Ты же сестра Акаме? — получив утвердительный кивок, мужчина посмотрел в грустные, слишком взрослые для почти детского лица тёмно-серые глаза. — Если бы ты имела враждебные намерения, то не стала бы представляться и напала из засады. Верно? — Он не пытался себя обмануть. Если эта Куроме хотя бы вполтину так же хороша, как её сестра, то в таком измотанном виде у него и в честном бою было бы немного шансов. И даже если он победит, на звуки боя сбегутся преследователи.

Нет, к силовому противостоянию можно переходить только в совсем уж крайнем случае.

— Верно. Хотя, признаться честно, мне было тяжело сдержаться, — дружелюбие в голосе совсем не сочеталось со смыслом слов. Булат тихо сглотнул. — Ничего личного, просто мне не хватает сильных марионеток, а сама по себе, в бою, Яцуфуса практически бесполезна, — Куроме от которой не укрылось эта произвольная реакция, развела руками и мило улыбнулась, словно признаваясь в маленькой слабости, а не в желании его, Булата, убить.

Революционер мысленно чертыхнулся на создателей детей-убийц и снова напомнил себе не обманываться внешностью. Перед ним в первую очередь потенциальный враг. Но раз она не настроена на драку, то, может, желает сотрудничать?

Почему-то присутствие девочки перестало тревожить чувство опасности. Это явно не было нормально, приходилось себя одёргивать, не позволяя расслабиться.

— Хорошо. Ты говорила, что знаешь того, — помимо воли изо рта вырвалось несколько грязных ругательств, — меченого ублюдка? Кто он?

— Ну, вообще-то он законнорождённый, — девчонка забросила в рот очередное печенье,

прервавшись чтобы его пережевать.

«Сразу видно, что они с Акаме сёстры».

— Хотя ты прав, у него «ублюдок» — состояние души, — голос стал задумчивым. — Меня саму сложно назвать нормальной, но даже для меня подобные шуточки — слишком. Вообще не понимаю, в чём веселье — резать мирняк, тем более свой. Противно и скучно же! Словно смертников в учёбке рубишь, — девочка, покачив головой чему-то улыбнулась, затем резко помрачнев, обратила внимание на Булата. — Прошу прощения, задумалась, — и, поймав его взгляд добавила:

— Не стоит так смотреть. В конце концов, нас специально так воспитывали, — кривая улыбка. — В отличие от группы Акаме, в Подземной Базе никто не пытался играть в семейную, хих, идиллию. Кхм... — на почти детском лице проступило смущение. Именно это смущение, как и живая мимика, мешала воспринимать девочку как врага и опасную убийцу. — А что касается Сюры, то он сын премьер-министра. Стыдно этого не знать, — любительница печенья поучительно воздела палец вверх.

— Яблоко от яблони... — процедил мужчина. — К дракону в пасть это бешеное животное! Мы до него ещё доберёмся! — он с силой рубанул воздух ладонью, будто отрубив эту тему. — И... — революционер ощутил себя не в своей тарелке, предлагая подобное даже не девушке, а юной девочке, пусть и профессиональной убийце, — как насчёт того, чтобы присоединиться к нашей команде? Мы не так плохи, как о нас пишут. Наш Ночной Рейд борется против прогнившей верхушки, против таких вырождаков, как Онест и его маньяк-сын. У нас дружный коллектив и доброжелательный командир. Вступай в Ночной Рейд, вместе мы сделаем нашу страну чище! — Булат белозубо улыбнулся и показал большой палец.

— Хих, хи-хи. Ах-ха-ха! — сестра Акаме искренне рассмеялась, прямо как обычная девчонка. — Отличная, хих, попытка, но нет.

— Почему? Ты ведь и сама согласна, что Империя прогнила? Зачем драться с хорошими парнями ради плохих?

— И что, неужели это сработало на Акаме? — проигнорировав вопрос, сменила тему

сероглазая, любопытно склонив голову к плечу.

— Э-э, да, наверное, — бывший офицер смущённо почесал затылок. — Генерал, то есть Командир, объяснила ей — что да как, и она тоже захотела сражаться за общее благо. Я не умею так хорошо говорить, как Надженда. Соглашайся, у нас весело! — Булат снова белозубо улыбнулся. В конце концов, улыбаться у него выходило лучше, чем у главы Ночного Рейда, даже она сама это признавала, хоть и не без слабо затаённой иронии.

— Видишь ошейник, Булат? — грустно улыбнувшись, девочка провела пальцами по белой коже своей тонкой шеи.

— Э-э, нет, — растерявшись, непонимающе ответил тот, снова потеряв нить разговора.

— А он есть. Как тот, хи-хи, суслик. Нет, я не сумасшедшая, — улыбка на губах темноволосой девчушки сделалась горше, превратившись в усмешку. — Ну, насколько можно остаться нормальной после слетевших гипнозакладок и работы в Отряде, хех. Просто если я не буду принимать кое-какие «лекарства», любезно предоставляемые нашим командованием, то умру. Или, если сильно повезёт, надолго потеряю боеспособность, став бесполезной. Как вам такой ошейник? — улыбка стала озорной, — правда, миленький?

«Гипнозакладки? Отсроченный яд? Да что, блядь, эти ошизившие уёбки вообще творят?!» — Булат, конечно, слышал от Акаме об опасных стимуляторах, которые приходилось принимать её сестре, которую Командир обещала отправить на какие-то специальные целебные источники, — но не думал о них как об отсроченном яде, а о промывке мозгов он вообще узнал впервые. Если раньше бывший офицер считал, что сидящим во Дворце упырям, которые ни за что осудили доблестного и честного генерала Ривера, уже некуда падать, то теперь понял, что крупно ошибался.

Нет, с этой мерзостью нельзя договариваться. Её можно только выжечь!!!

Девчонка, перебив мужчину, уже хотевшего высказать своё матерное мнение об имперских ублюдках, добавила:

— Впрочем, сие украшение не из тех, от которых невозможно избавиться. Но даже если я соглашусь, предам и брошу на произвол судьбы остальных ребят из Отряда, которые мне как семья, то что и на что я поменяю? Судя по сегодняшней операции, ваш «дружелюбный командир» точно так же, как и наши, сожри их проказа, любимые офицеры не брезгует затыкать свои ошибки жизнями подчинённых и не причастных. Красивые слова лишь обёртка, не так ли? Если кандалы обшить бархатом, они не перестанут быть кандалами.

— Надженда не такая, произошла случайность, — покачал головой бывший офицер. — Даже если она ошиблась, мы всё равно сражаемся за благое дело! — с убеждённой продолжил он, хотя маленький червячок сомнения всё же зародился в сердце.

— Не хочу наговаривать, но прежде чем судить, "такая" Надженда или нет — ответь на простой вопрос: откуда у вашей организации деньги?

Булат нахмурился.

— Да, Ночной Рейд берёт деньги за свою работу. Но мы уничтожаем только самых мерзких преступников у власти и подлых прихвостней Онеста! Мы боремся с паразитами! — повторил он слова Надженды.

— Ну-ну. А как до вас добираются «возмущенные беззаконием граждане»? Булат, ты правда считаешь, что любой человек с улицы может заказать у Ночного Рейда не угодившего ему «злыдня»? Значит, обычный человек может найти ваш террористический кружок, а Служба Разведки, Армия и Полиция — не могут?

— Люди обращаются к нашим соратникам в Столице, а они...

— Угу-угу, посредники, значит. А ты в курсе, кто они и по каким принципам происходит фильтрация заказов? Уверен, что в досье на цель записаны настоящие преступления, а не сказочки для глупых пешек?

Мужчина открыл рот, желая возразить. Правда, он и сам не знал, какие доводы нужно

привести. Всё-таки он, в отличие от Надженды, был далёк от плетения красивых словесных кружев и сам прекрасно это знал.

— О-о, не нужно отвечать вслух, я не собираюсь ничего признавать о вашей организации. Просто подумай над этим и честно ответь только себе. Уверен, что ответы понравятся? — в голосе сквозила горькая насмешка. — Учитывая, что хорошую долю руководства Революционной Армии составляют агенты западников, сепаратисты и бандиты, нынешняя власть не выглядит такой уж ужасной. Короче говоря, в моих глазах всё выглядит так: одно зло пытается забороть другое — ценой чужих жизней, всё как обычно. А если не видно большой разницы между теми, и этими, то стоит ли суетиться? И так и так помирять. Кто бы ни победил, но живыми ни вы, ни мы не будем ему нужны.

— Ты не можешь этого знать! Не суди всех по имперским выродкам! — разозлился Булат. Всё-таки ему нравилось думать, что они хорошие парни и сражаются против плохих, а не просто очередные марионетки (ненавистных) западников.

Хотя очевидно, что девушке напротив просто задурили голову. Или, привыкнув к бесчеловечным порядкам, царящим на стороне прогнившего режима, она ожидала того же и в других местах. Очень жаль, что рядом нет Надженды, она бы смогла привести правильные аргументы для этого недоверчивого ребёнка.

— Как скажешь. Но учти, что вообще-то среди наших целей попадают довольно информированные личности. Мало кто способен сохранить молчание, если его правильно спрашивать, хе-хе. Кстати, и вам советую пообщаться с жертвами, если на это есть место и время. Узнаете много полезного и интересного, — наставительно помахав зажатой меж пальцев печенюшкой, произнесла Куроме.

— Я армейский офицер, а не презренный палач! — нахмурился мужчина. — Настоящий мужик и офицер никогда не опустится до пыток! — Внутри него боролись неприязнь к профессиональной убийце, не видящей ничего предосудительного в пытках, и жалость к ней же.

В конце концов, она — всего лишь морально искалеченный ребёнок. В историю про западных шпионов Булат ни на медяк не поверил. К Революционной Армии присоединилось уже немало старших и высших офицеров. Разве они пошли бы за шпионами и бандитами?

— Генерал Эсдес с этим бы не согласилась, но не буду навязывать своё мнение. Каждый выбирает сам, и каждый сам расплачивается за свой выбор. Но вы всё-таки поинтересуйтесь — откуда у вашего движения появляются деньги, оружие, секретные базы и прикрытие от спецслужб. Единственно, о чём попрошу — не рассказывать о нашем разговоре Надженде. Не доверяю я ей. Слишком уж удачно для нашего ведомства вы убрали генерала Вита. Было бы обидно отправиться в утиль из-за своего длинного языка и желания передать сестре маленький приветик, — виновато улыбнулась девушка.

— Ха-ха! — коротко хохотнул Булат. — Сначала заявляешь, что революция — марионетка западников, а потом подозреваешь нас в связях с разведкой? Тебе самой не смешно?

— Если у тебя паранойя, это ещё не значит, что за тобой не следят. — Булат покачал головой. У него уже заболела голова от логики этой девочки-убийцы, смотрящей на всех, словно переживший травлю зверёк. — Впрочем, это лирика. Могу ли я на вас рассчитывать, Булат?

— Слово офицера, — хмуро кивнул мужчина. Он уже не был так уверен, что присоединение миниатюрной убийцы к команде стало бы хорошим ходом. Эта Куроме и его смогла заразить своей недоверчивостью. Но хорошие отношения с маленькой убийцей могли принести пользу правому делу. Кто знает — может, со временем она поумнеет и уговорит перейти на сторону революции и своих друзей? Пусть лучше эти дети сражаются за них, чем умирают от их рук.

А что касается домыслов девчонки в отношении Революции и Ночного Рейда, то он подумает об этом позже. Хорошенько напьётся после миссии, соберёт всю доступную информацию — и подумает!

— Ну и ладненько! — хлопнув в ладоши, девушка убрала опустевший мешочек из-под печенья в сумку. — А то что-то мы куда-то не туда ушли, а о главном я ведь так и не спросила! Как там моя Акаме? Её никто не обижает? Она хорошо кушает?...

Отвечая на вопросы беспокоящейся о сестре девочки, Булат с неудовольствием отметил, что в состоянии рассказать не так уж много. Акаме оставалась молчалива, почти не показывала эмоций и по поведению более всего походила на совершенно стереотипную бесчувственную убийцу. Неудивительно, что мужчина особо с ней не общался за пределом тренировочной площадки. Да и о чём взрослому мужику говорить с пятнадцатилетней девчонкой?

Вот только, по словам сестры, алоглазая была совсем не такой, какой выглядела. Булату стало стыдно от понимания того, что девочка просто замкнулась от пережитых невзгод, а все они посчитали, что так и надо, даже не подумав её поддержать.

Только Леоне, по каким-то своим соображениям, теребила убийцу.

Недолюбленные, несчастные дети... Теперь, даже если бы эта бедная, оцетинившаяся иглами цинизма и недоверия темноглазая девочка не стала его просить позаботиться о сестре, то Булат всё равно бы это сделал. Настоящий мужик никогда не бросит соратника в беде! Тем более если этот соратник — молодая, страдавшаяся девчонка.

* * *

— Уф! — выдохнул я, покинув реквизитную и оставшегося там Булата. Оба моих воплощения не отличались талантами актёра и чтеца лиц, так что пришлось напрячься, разогнав мышление с восприятием и параллельно ведя разговор.

Сложно.

Не облегчала задачу и попытка воздействия на собеседника с помощью подкреплённого эмоциями симпатии духовного давления. Да и вряд ли этот трюк оказал сколь-нибудь значительное действие. Булат хоть и был, судя по памяти о каноне и тому, как он пытался минимизировать жертвы в бою, неплохим мужиком, но яркого дружелюбия в себе вызвать не удалось. Не то настроение. Своим вмешательством Сюра неслабо его подпортил, порушив мою задумку и превратив комедию, пусть и черноватую, в смесь «мясного» боевика и трагедии.

Зрелище кровавой вакханалии, к созданию которой и сам приложил руку (а стрелком-provocatorem, как можно догадаться, была ещё одна моя марионетка), вышло довольно угнетающим. Ведь не сбей я маскировку Булата, он бы мгновенно убил свою цель и так же мгновенно скрылся. М-да, кто же мог ожидать, что один-единственный выстрел станет камешком, стронувшим лавину? Не то чтобы мне раньше не приходилось заниматься похожими вещами, этот случай оказался даже не самым кровавым; но одно дело — необходимость в виде приказа, и совсем другое — относительно безобидная шалость, обернувшаяся... этим.

— ...нет-нет-нет! Не-е-ет! Любимая, только не ты! Мы же хотели завтра пожениться! Как же так?! — причитал окровавленный парень над верхней половиной некогда симпатичной девушки. — Ааа!!! Ненавижу! Слышите?! Я ненавижу вас!!! — непонятно к кому обращаясь, орал он подняв взгляд в небеса.

— ...Мама, мама, мамочка! Пожалуйста, очнись, — плакал смутно знакомый мальчишка лет шести. Женщина, которую теребил светловолосый паренёк, была мертва. Судя по изломанным конечностям трупа, тут явно потрудились не Сюра или Булат, а ноги толпы. Удивительно, что сам малец выжил. — Пожалуйста, вставай, пойдём домой! Клянусь, я больше никогда не буду капризничать и баловаться, только проснись, мама! Пожалуйста, не бросай меня! Мам-уа-а-а! — Мальчик горько заплакал.

— ...Сесиль!!! Доченька!!! — орал полноватый мужик с наливающимся фингалом. — Ты не видела мою Сесиль? Она потерялась, когда все побежали. Но она послушная девочка, она вернётся. Она на голову ниже тебя, в белом платье и с розовым бантиком в причёске, — всклокоченный лысоватый дядька смотрел с безумной надеждой в слезящихся глазах.

Молча качаю головой.

— ...Помогите! Кто-нибудь, помогите, мой муж не может идти! Кажется, он сломал спину!

Отовсюду доносились стоны, выкрики чьих-то имён, плач, ругань. Паникующая толпа затоптала людей не меньше, чем погибло в схватке, и теперь пожинала обильные плоды своего страха. Среди женщин и детей, как самых слабых, жертв оказалось больше всего.

Зрелище производило не самое благодное впечатление на свою косвенную виновницу.

Был у меня в прошлой жизни случай, когда, заигравшись с незнакомым, но на диво дружелюбным пёсиком я случайно слишком сильно бросил палку, и она вылетела на дорогу. Глупый собачен метнулся прямо под колёса. Было неприятно смотреть на агонизирующую после того, как её переехали, зверушку. Пусть по большей части была виновата случайность и лихач, решивший поддать газу на пустой грунтовке, а собачка вообще приبلудная, но ощущения всё равно... угнетающие.

Вот и сейчас так же. Да, пострадала далеко не одна собачка, но и моя личность далека от той, что была в прошлой жизни, хоть и взяла от неё некоторые черты. Иначе с чего бы со дна поднялась муть таких переживаний?

Хорошо, что большая часть субличности Виктора ушла вглубь сразу, как началась бойня. Иначе я мог бы и не удержаться от глупостей. И так оказалось тяжело сдержат злость на Сюру, порушившего мою задумку и посмевшего играть в свои игры с моими игрушками. Злость, переплетающуюся с давлением Яцуфусы, жаждущей крови и смерти других тейгузеров.

Но как бы ни хотелось прирезать премьерова сынка, использовав великолепный шанс получить марионетку с телепортирующим тейгу, лезть в схватку было никак нельзя. Подвернись возможность подкараулить его без свидетелей, и упустить её стало бы преступлением, но лезть в бой... нет. Даже под маскировкой — нет. Когда Онест узнает — а он узнает, кто убил его отпрыска — последствия могут ударить не только по мне (если они смогут поймать обладателя телепорта), но и по остальному Отряду. Группу бы утилизировали почти гарантированно, да и остальной Отряд могли сгоряча зачистить или отправить на эксперименты алхимику-химерологу вроде Стайлиша.

Не вариант. Совсем не вариант.

Кстати, Сюра всё ещё оставался здесь. С почти восхитительным цинизмом сынок Онеста взял на себя организацию помощи пострадавшим. И довольно толково взялся, надо сказать: он даже, как я видел, телепортировал на поле бригаду врачей. Полицейские и добровольцы из гражданских сносили пострадавших к импровизированному госпиталю. Не забыл «герой» и о журналистах: сразу несколько человек ходило за ним, что-то строча в блокнотах, а ещё одна группа возилась с уродливым громоздким фотоаппаратом.

«Вот ведь крендель! — поневоле отдал я должное уровню двуличия. — И не боится же, что правда выплывет наружу!»

Хотя с чего бы ей выплывать? Вряд ли Булат с Лаббаком побегут давать интервью; я, в общем-то, тоже — а остальные ничего и не видели. Темп скоротечной схватки участники взвинтили настолько, что никто до уровня Адепта включительно не мог видеть ничего, кроме мелькающих теней. А уж после того, как Сюра «лопнул» ударами с выплеском энергии несколько гражданских, поле боя и вовсе затянула алая взвесь. Охрана вип-трибуны в теории могла что-то разглядеть, но её занял Лаббак; к тому же рейдовцы изначально подбирали место атаки так,

чтобы оставшимся на трибуне охранникам было трудно отследить нападение.

«Красиво сыграл, сволочь, — признал я, покачав головой, — мало того, что по самую маковку измазал Рейд и поднял бучу против революционеров, — а зачем ещё тут журналисты, да ещё в таком количестве? — но и решил оседлать волну, выставив себя героем. Вот же крестомордая мразь! Что я теперь Наталу скажу? "Упс, оно само!"? — Раздражённо сдув попавший в лицо волос, потопал дальше. — И мне ещё казалось, что это я чудовище. Да по сравнению с Сюррой я — просто Принцесса Дружбы!»

Самое смешное в этой ситуации: вмешательство премьерского сынка пошло на пользу и мне. Выдалась прекрасная возможность оценить боевой потенциал целых трёх возможных противников — и даже, в меру своей чувствительности, взглянуть на механику взаимодействия других тейгуюзеров со своими артефактами. Да и уставший, осознающий свою слабость Булат пошёл на контакт гораздо легче, чем будь он в полной силе, а моральная разбитость мужчины позволила его «раскачать» и гораздо легче считывать настоящие эмоции.

Повлиять на уставшего и морально разбитого мужчину тоже удалось куда легче ожидаемого.

Нет, во время диалога я не врал — просто показывал те чувства и говорил те слова, что мешали воспринимать меня как врага, но в то же время заставляли принимать всерьёз. Получилось не идеально, быть может, но для первого раза вовсе не плохо.

Рейдовец оказался куда лучшим человеком, чем можно ожидать. Не то чтобы в случае необходимости это помешало бы ему меня убить (как и мне его) — но такова уж специфика нашего рода занятий. Прикольный он мужик, хоть и гомик. Было не очень приятно им манипулировать, используя его человечность как слабость, но упускать такую возможность — глупо.

Удалось забросить достаточно полезных крючков. Письмо Акаме, где, кроме моего признания в том, что я всё ещё люблю эту вредную засранку и другого прочего, было понятными лишь нам двоим намёками написано, как и где можно оставить послания для дальнейшей связи — это только самая вершина айсберга. Завязки общения с Булатом и подброшенные ему идеи в дальнейшем обещали подарить много возможностей. Даже само письмо — ещё один из крючков. Общая тайна сближает, а нарушенное слово (если бывший армеец таки сольёт письмо и наш разговор Одноглазой) заставит испытывать вину.

В любом случае при следующей встрече нам найдётся, с чего начать разговор.

Боялся ли я негативных последствий? Не слишком. Мужчина мог не передать письмо сестре, мог выложить весь наш разговор Надженде или сделать ещё что-нибудь нехорошее, но это не принесло бы мне сильного вреда. Командир Ночного Рейда вряд ли побежит сдавать меня Маркусу. Да и сомневался я, что после вступления Акаме в Ночной Рейд у Надженды даже в теории могли остаться хоть сколько-то тёплые отношения с разведкой. Если они вообще могли зародиться у армейского офицера, с нашими-то традиционными межведомственными тёрками.

Шантаж с помощью письма? Так я писал почерком Виктора и без имён, а иносказания к делу не пришьёшь. Да и сестра от такого шага не придёт в восторг. Мягко говоря. Если уж она своего приёмного папашу не пожалела, то и нарушившую слово Надженду прирежет за милую душу.

Сестрёнка у меня такая! Добрая, но безжалостная.

Как ни крути, потенциальная выгода значительно перевешивала риски. Кроме Булата и Акаме, в нынешнем составе Рейда говорить было особо не с кем. Сомнительно, что мне ещё раз выпадет такой удобный случай пообщаться с самым авторитетным — ну, после Надженды — членом Рейда.

Даже несмотря на досадную случайность в лице Сюры, всё действительно прошло даже лучше, чем я рассчитывал.

Но вместо радости на душе чувствовалась гадливость. Словно, добыв что-то ценное, я ради этого с ног до головы вымазался в помоях. Наверное, общение с Эрис и лысым Кентой плохо на меня повлияло, заставив размякнуть и возродив некоторые из моральных принципов прошлого воплощения. Что ж, мир быстренько напомнил, что здесь это вам не там.

Впрочем, я знал, что, как и телезритель, просмотревший сюжет об ужасах быта неблагополучных стран, повздыхав над несправедливостью, скоро «погашу экран» и выкину увиденное из головы. Так же, как и множество других похожих эпизодов. Для массовой убийцы, пусть и «размякшей», иные реакции стали бы странными.

Но пока — да, пока я ощущал горечь.

Хотя, что забавно, сильнее жалко мне не погибших, а выживших, но покалеченных — и тех, кто потерял близких. Всё же смерть приносит боль живым, а не мёртвым.

— О! Мороженка! — взгляд зацепился за перевёрнутый лоток мороженщика. — Мороженка — это хорошо. И сиропчик! Ещё лучше. — Вскоре я уплетал сладкую вкусняшку, надёжно перебившую привкус метафизической горечи и изгнавшую из души лишнюю мрачность с не по делу проснувшейся совестью.

Тёплый ветерок трепал волосы, солнышко приветливо светило из-за облачков, а доносящийся запах крови, крики и стоны покалеченных превратились в фоновый шум. Па-адумаешь! Меня перестало подобное трогать ещё во время учебной практики на площадке для казней. Сытое брюхо к состраданию глухо, хе-хе. Взгляд заполнило привычное весёлое безразличие.

И вообще: мы ведь даже никого не убили! А побоище? Оно само получилось, не виноватая я. Это всё Сюра и Ночной Рейд, да.

Так Наталу и скажем!

* * *

Сегодня в Сингстриме вместе со множеством случайных жертв умерла ещё одна частичка доброго, но невезучего парня по имени Виктор...

— Сестрёнка, ты не видела моего папу? — спросила девочка лет девяти. На голове у ребёнка красовался пышный розовый бант, а в ткани платья, несмотря на пятнающую его грязь и брызги чьей-то крови, угадывался чистый белый цвет.

— Сесиль?

— Да, это я! — обрадовалось белокурое дитя. — Вы меня знаете?

— Нет, но я видела твоего отца. Эх, ладно, сделаю доброе дело, — переставшая тихонько напевать себе под нос молодая брюнетка поднялась с поваленного лотка, оставив на нём мелкую монетку в качестве платы. — Бери мороженку и пойдём, найдём его вместе, — холодный взгляд убийцы потеплел.

— Н-но, там страшные мертвецы! И злые дяди стражники.

— Ничего, мёртвые не кусаются, — брюнетка скорчила рожицу. — А стражники, — хлопок по ножнам длинного меча, — пусть сами нас боятся. Идём, мелкая.

— Мне уже почти девять! — надулась девочка.

— О-о, ну, тогда держи не только мороженку, а ещё и нож.

...или не совсем умерла.

Примечание к части

Пункт тапкоприёма открыт.

Автор выражает сердечную благодарность читателям, решившим рублём поздравить его с днём рождения. Пусть вам улыбнётся удача))

*Песня Эрис (Флёр «Формалин»), некоторые слова изменены
<https://ruq.hotmo.org/song/49163383>

* Ария «Бал у Князя Тьмы» <https://ruq.hotmo.org/song/48190537>

А.Н. — бечено хЗ.

>— Да мы недалеко, — взмах надкушенным пирожком с вишнёвой начинкой. — Скучно одной ходить.

Какой-какой начинкой? *чотаржот* Ой, Куроме, чесслово: лучше б ты пирожок с кошкой съела!

Лаббак

Булат

Булат в броне

Сюра

<http://tl.rulate.ru/book/57083/4837270>